

Отдаленные результаты образования ¹

Буквально за неделю до этого доклада я в метро встретил бывшую ученицу, которая закончила школу «Универс» примерно в начале 90-х. Она работает в Красноярске судьей, приехала в командировку в Москву. Во время этого короткого разговора она сказала: «я всего полтора года проучилась в школе «Универс», но то, что я тогда попробовала себя в разных областях, было для меня очень важным, и я правильно потом сделала свой выбор профессии. Большое вам и школе за это спасибо». И конечно, это для каждого кто занимался педагогической деятельностью очень приятно. Для меня это стало и поводом еще раз задуматься о том, каковы доказательства того, что мы делаем в этой педагогической деятельности что-то правильно или неправильно. В конечном счете мы все, кто работает в сфере образования, в глубине души понимаем, что один такой разговор в метро по итогам 15-17 летней жизни человека гораздо важнее, для понимания что случилось, чем пятерка или четверка на экзамене.

Поэтому сегодня я хотел бы поговорить о некоторых исследовательских проектах, которые мы сейчас ведем в Институте образования Высшей школы экономики, задача которых ответить на вопрос об отдаленных результатах образования, о школьных факторах, на них влияющих.

В 2002 году я делал на этой конференции доклад про компетентностный подход в образовании. Там я тоже начинал с **вопроса об отдаленных результатах образования**, точнее, как мне кажется, вся **проблематика компетентности** возникла из-за того, что мир за школой не принимает того, что мы считаем результатом. Мир за школой ждет не результатов экзаменов по математике, физике, русскому языку или литературы, а ждет таких характеристик человека, как способность решать задачи за пределами школы. Такие характеристики мы называли компетентностью.

Конечно, мы хотели бы мерять такие результаты как жизненный успех (некоторые из нас полагают, что это важнейший эффект школьного образования) или высокая производительность труда и трудовые успехи на благо страны. Как оценить эти отдаленные результаты мы не знаем. Поэтому мы все время придумываем прокси-показатели (косвенные показатели, статистически связанные с основными). В педагогике были предложены некоторые конструкты, которые можно оценить на границах школьного образования и «большой жизни»: помимо компетенций это - опыт всяческого рода. Считается, что, если этот опыт померять, то можно оценить отдаленные результаты.

Мне вспоминается один стенд про патриотическое воспитание, который я видел на одной конференции. Там написано, что, поскольку дети занимаются в музее краеведческой работой, то они вырастут патриотами и пойдут родину защищать. Этот вывод, это соображение, о том, что если они сегодня будут работать в музее, то завтра они будут вести себя как патриоты, берется, видимо, **из какого-то жизненного опыта, здравого смысла, но на самом деле (мы должны понимать честно) он не основан на данных. Нет доказательств, что от того, что человек чем-то занимается в детстве, напрямую зависит то, чем он будет заниматься потом и как себя будет вести.** Я говорю банальность, но большинство наших педагогических утверждений на этой «очевидной» идее основаны. Она выглядит очевидной, но эта очевидность, как правило, **не**

¹ Автор благодарит И.Е.Вопилову и Д.Ю.Куракина за помощь в подготовке доклада

имеет подтверждения в строгих научных исследованиях. В этом смысле основой педагогических исследований, связывающих те или иные педагогические воздействия с удаленными во времени событиями в основном, к сожалению, являются впечатления и здравый смысл.

Вместе с тем, уже в 20 веке появились эмпирические исследования, выполненные существенно в более строгой научной методологии, которые позволяют с высокой вероятностью говорить о причинно-следственных связях между педагогическими действиями и отдаленными по времени фактами поведения учащихся. Эти работы фокусируются на анализе динамики тех или иных характеристик обучающегося в контексте педагогических действий и изменений в окружающих условиях.

Это, например, исследования того, как связаны успехи на следующем этапе образования, например, на второй ступени, или на третьей, с тем, что происходило до того. Хотя если посмотреть на нашу литературу педагогическую по результатам образования, то таких работ очень мало. Это странно. Казалось бы, задачка вроде очевидная, интересная, сбор данных провести можно, но ... Другая группа исследований (ими занимаются не педагоги, а экономисты труда), это работы по так называемому переходу «школа-работа», «образование - работа» (по-английски «school to work transitions»). Такие работы связывают профессиональную траекторию с предыдущим этапом обучения. Речь здесь идет как о масштабных лонгитюдных (периодических) исследованиях на представительных выборках, так и о кейсовых исследованиях, когда одна и та же относительно небольшая группа изучается непрерывно в течение относительно длительного времени. К сожалению, в нашей традиции и тех, и других исследований очень немного. Сейчас очень жалею, конечно, что когда я в 1986 году начал работать в школе, я об этом не догадывался и не заложил какие-нибудь исследования тогда. Сегодня это был бы бесценный материал.

Среди образцовых исследований динамики небольших групп я назвал бы замечательную работу Т.Драгуновой и Д.Эльконина [Эльконин, Драгунова, 1967], когда они наблюдали один класс в московской школе в течение года. Интерпретация того, что они наблюдали в динамике, позволила обнаружить новую реальность, которую они называли чувством взрослости. Мне кажется, что к этой идее не удалось бы прийти, если просто провести какое-то срезовое обследование. Среди работ последнего времени можно выделить выдающуюся работу Г.А. Цукерман, которая сопровождала в течение 7 – 10 лет один класс в 91 школе Москвы. Это позволило ей выделить интересные индивидуальные варианты взросления в связи со школьными условиями [Цукерман, 2000; Цукерман, 2001].

Такого рода исследования чрезвычайно интересны богатством деталей, выпуклостью конкретных судеб. Они могут становиться основой художественных проектов. Примером такого около научного проекта является фильм «Рожденные в СССР». Режиссер С. Мирошниченко решил посмотреть, что происходит с конкретной группой молодых людей, родившихся в последние годы существования СССР. В этом фильме видна причудливость жизненных траекторий в условиях социальных потрясений.

Исследований по анализу перехода «школа-работа» множество. Хорошие исследования носят статистический характер, сравнивая, например, средние зарплаты и профессиональный статус выпускников вузов или колледжей. Нередко многие вузы имитируют такие исследования, рассылая выпускникам письма с анкетами. Обычно на такие письма отвечает 15 человек из 200. После этого делается вывод о том, что 70 процентов выпускников работает по специальности, а у

60 процентов зарплата выше определенного уровня. Понятно, что такие исследования не выдерживают никакой критики с точки зрения научной строгости.

Есть еще одна очень важная форма динамического анализа которую можно называть реторанализом или ретросопровождением . В обычном сопровождении (отслеживании, по-английски – tracing) мы берем школьников определенного года и сопровождаем их, выясняя, что с ними происходит через два, четыре года и так далее, а можно попробовать посмотреть назад. В этом случае исследователи разыскивают выпускников конкретных программ через продолжительный период времени .

Буквально недавно, по центральному телевидению был показан «Мой класс» — документальный фильм, посвященный судьбам выпускников одного физико-математического класса, закончивших московскую 57-ю школу в 1985 году. Фильм снят режиссёром Екатериной Ерёменко о своих одноклассниках и приурочен к двадцатилетию выпуска. Фильм организован как набор сюжетов об каждом из выпускников. Художественные средства позволили авторам фильма выделить несколько типичных траекторий выпускников этой элитной школы. Это хороший пример ретроанализа художественными средствами.

Несколько лет назад мы решили сделать ретроанализ с использованием более строгой методологии. Мы поняли, что пока еще хоть как-то доступен человеческий материал надо посмотреть, что происходит с нашими выпускниками. Суть нашего исследовательского проекта очень проста: посмотреть на тех выпускников, которые закончили школу 20, 15, 10 и 5 лет назад и понять роль (следы) школы в их судьбах. Проект реализовывался в Томске и в Красноярске. И в Томске, и в Красноярске мы попытались взять одну экспериментальную школу (в Красноярске, это школа «Универс», в Томске - школа «Эврика развития»). В каждом из этих городов мы также взяли еще по школе, которые работают в таком же социальном окружении как экспериментальная, взяли по школе элитной и по школе, работающей в худшем социальном окружении. Нашей задачей было увидеть, отличаются ли чем-то траектории выпускников этих школ. Ведь, если у них схожи исходные социальные и культурные характеристики, то тогда разница в траекториях может объясняться школьным фактором. Такие исследования требуют очень больших усилий. Например, в Томске это исследование фактически провалилось, потому что мы не нашли достаточного количества людей, чтобы делать сколько-нибудь правдоподобные выводы. В Красноярске проект состоялся. Мы готовим сейчас подробный анализ данных. Могу лишь сказать, что траектории выпускников экспериментальной школы «Универс» оказались значимо особенными и в них виден «след школы».

Ретроанализ труден не только потому, что трудно найти респондентов, но и потому, что приходится полагаться на их память в реконструкции прошлого. Поэтому, в Институте образования Высшей школы экономики было запущено другое масштабное исследование классического лонгитюдного типа. При этом мы рассчитываем, что можно реконструировать какой-то комплекс факторов, который собственно и оказывает влияние на то, как складывается жизнь человека. В мире много лет уже существуют десятки таких исследований. Например, в США в 1979 году была сформирована панель из 12000 молодых людей. Их жизненные и трудовые траектории отслеживаются до сих пор. Примечательно выдающиеся американское исследование, начавшееся в 1988 году, когда 25000 учеников 8 классов были собраны исследовательскую панель. До 2000 года их четыре раза интервьюировали, отслеживая, что с ними происходит. Аналогичные исследования на десятки тысяч человек проводятся и в Германии. И Великобритании, и в Канаде.

Надо заметить, что в Советском Союзе существовали довольно масштабные лонгитюдные исследования, которые проводили врачи с близнецами. Если мы посмотрим на медицину, мы увидим насколько более точные методы анализа и сбора данных, чем то, чем пользуемся мы. В советском союзе было серьезное исследование близнецов, хронических больных. Это были масштабные исследования, которые, среди прочего, показывали роль средовых факторов, но были в малой степени ориентированы на анализ школьных факторов. Исследование, ориентированное на анализ, в том числе, школьных факторов было запущено эстонским исследователем М. Титмой. Исследование «Пути поколения» началось в советское время в 1982 году в одной стране, а закончилось в четырех, когда у коллектива закончились деньги на исследование и стало практически невозможно собирать данные в четырех странах, которые были советскими республиками. На примере этого исследования можно увидеть, что из таких работ можно узнавать. По его материалам среди прочего был написана знаменитая статья стэнфордских социологов, которая показала, что, те дети, которые в 1983 и 1986 году, вели себя в школе с нарушением правил, пропускали уроки, ругались с учителями, оказались более успешными после того, как общество начало «трясти». Это позволило сделать вывод, что траектории в стабильных и трансформирующихся обществах существенно отличаются, и нужны другие ресурсы [Titma, Trapido, 2002]. Единственным значимым, хоть и небольшим лонгитюдом последних десятилетий стало исследование под руководством Д. Константиновского [Константиновский, 2011].

Понимая ценность таких исследований, мы в 2009 году заложили большое исследование образовательных и трудовых траекторий. Формирование основных панелей закончилось только в 2012 году. Идея состоит в том, чтобы в течение почти 20 лет начиная с 2009 года, проанализировать образовательные и трудовые траектории школьников. Мы начали в двух регионах, в Ярославле и Татарстане, с 9-классников. В четырех регионах: Ярославль, Татарстан, Москва и Санкт-Петербург мы сформировали панели студентов первокурсников. В 2011 году мы в Москве заложили еще две панели, девятиклассники и пятиклассники, что для нас представляет особый интерес. Мы предполагаем, что эти панели будут исследоваться волнами. Поначалу мы сделали ошибку, решив, что это можно делать раз в три года, скорее всего это придется делать раз в два года, чтобы не терять участников. Одна уникальная панель, которой мы особенно гордимся в этом исследовании, представительна в масштабах всей страны. Это - национальная выборка 15-летних школьников. Впервые в мире мы провели исследование PISA на тех детях, которые выполнили исследование TIMSS. Эта группа и стала основой лонгитюда. То есть мы сможем связать их дальнейшие образовательные и профессиональные траектории, может быть и жизненные траектории (это зависит от содержания анкет и работы с ними) не только с их успехами, измеренными по их собственной оценке или по результатам ЕГЭ, но и по данным международного уровня, которые позволяют оценить их компетенции и возможности на основе международно признанных измерителей.

Уникальность нашего комплексного лонгитюдного исследования связана с тем, что мы, по-прежнему, являемся переходным обществом. Поэтому, траектории молодых людей могут отражать как сущностные антропологические характеристики, так и существенные особенности переходного общества. Другой важный контекст нашего исследования – региональный. Мы специально взяли один национальный регион, и один среднероссийский регион Москву.

Особенностью проекта можно считать сочетание различных способов сбора информации: в рамках лонгитюда предполагается как применение «классических» опросных методов, так и

«неклассических» методов – краудсорсинг, анализ биографических интервью и нарративов, использование открытых данных, оставляемых респондентами в интернете.

Одной из основных проблем глобальных лонгитюдных исследований является проблема сохранности панелей. Поиск людей для повторного участия в опросе зачастую напоминает детективную историю, респонденты могут менять место жительства или просто терять мотивацию для дальнейшего участия в проекте. С точки зрения «выживания» респондентов, эталонным можно назвать проект NLSY79 (National Longitudinal Survey of Youth), проходивший в 1979-2004 гг. в США. Достижимость респондентов спустя 25 лет исследования составила 78%. В упомянутом выше проекте М. Титмы «Пути поколений» достижимость респондентов после 10 лет исследования колебалась от 20% в Литве до 68% в Эстонии. Стоит отметить, что в нашей стране дополнительной сложностью оказывается невысокий уровень доверия населения к исследователям-социологам, что создает дополнительные трудности при формировании и поддержании панелей. Поэтому формирование культуры работы с выпускниками в школах и вузах могло бы привести к более лояльному отношению потенциальных респондентов к участию в исследованиях и в конечном итоге обеспечить получение бесценного аналитического материала.

Содержательно мы исходим из базовой гипотезы о том, что в обществе, даже в таком нестабильном обществе как наше, существуют некоторые типичные массовые и устойчивые жизненные траектории, которые необходимо выявить, описать и объяснить. Второй базовой гипотезой является предположение о том, что за каждой типичной траекторией стоит «форма жизни», набор взаимосвязанных способов действия и образцов поведения, некоторые культурные структуры, «картина мира», словом, особая «рациональность». Важно, что целью проекта не является формирование портрета поколения – этой цели можно было бы добиться простым срезовым исследованием. Нашей целью является отслеживание именно динамических изменений, так как траектория рассматривается как осмысленное целое, которое, тем не менее, может меняться во времени (один и тот же участник исследования может демонстрировать различные представления о собственной траектории в разных волнах). Понимание отдельных шагов, событий, решений в рамках одной траектории возможно только с учетом шагов, событий и решений им предшествовавших, а также планов и представлений о возможном будущем.

Тематически вопросы данного исследования могут быть разделены на шесть блоков. Первый блок посвящен собственно типичным траекториям, и в рамках этого тематического блока мы постараемся реконструировать социальные смыслы и культурные структуры типичных траекторий, понять каковы основные сценарии того, как люди производят важные выборы в жизни, и как именно формируется «авторитет» типичной траектории, ее убедительность.

Второй блок касается вопросов взросления и этапов формирования траектории: как изменяются процессы взросления в современном мире? Каковы доминирующие сценарии взросления? Как существующие формы образования и профессионализации связаны с возрастными периодами и переходами между ними (подростковый возраст, *emerging adulthood*, взрослость)?

Третий тематический блок связан с факторами и барьерами формирования траекторий. Здесь нам хотелось бы выяснить, каковы основные ресурсы и барьеры, способствующие или препятствующие получению качественного образования, насколько устойчив декларируемый выбор образовательной траектории и как личностные характеристики влияют на успех в образовательных и профессиональных траекториях.

В рамках четвертого блока мы зададимся следующими вопросами, связанными с влиянием образования на профессиональную траекторию: каково влияние образования, условий его получения и факторов контекста на профессиональную карьеру? На семейные роли? Какую роль образование играет в формировании компетенций людей?

В пятом тематическом блоке мы планируем выявить общую картину судеб поколения с точки зрения образовательно-профессиональных траекторий и выяснить, какова связь образования с диффузностью траекторий и с их устойчивостью.

И наконец, шестой тематический блок нашего исследования посвящен крайне любопытной проблеме формирования классовой структуры и социальной дифференциации и связи типичных траекторий с классовыми отношениями. Иными словами, мы хотели бы понять, в каких случаях и в какой степени траектории молодых людей обладают существенной преемственностью по отношению к характеристикам социальной группы, к которой относится их родительская семья.

На данный момент мы располагаем данными только первых двух волн, поэтому не можем ответить на все поставленные вопросы, но некоторые любопытные зависимости уже обнаруживаются. Так, нами была выделена очень интересная группа школьников, которые планировали продолжить свое обучение в старшей школе, однако предпочли учреждения начального профессионального образования. Сейчас мы пытаемся понять, какие механизмы сработали в этом случае и заставили школьников поменять свои траектории. Также довольно любопытные данные мы получаем в динамике в вопросе о связи успеха в жизни и территориальной мобильности. Например, когда мы спрашиваем детей, связан ли успех в жизни со сменой места проживания и какая мобильность может обеспечить успех в жизни, то мы видим, как между 9-м и 11-м классом меняется видение Ярославских школьников и существенно увеличивается доля тех, кто считает, что для успеха надо переехать в другую страну и существенно уменьшается доля тех, кто считает, что для успеха нужно переехать внутри региона. При анализе ответов на этот вопрос мы видим, что возникают интересные региональные различия: доля тех, кто хочет уехать в другую страну, несколько ниже в Татарстане и еще ниже доля тех, кто хочет уехать в другой регион, проживая в данный момент в Татарстане. Далее мы планируем в рамках каждой траектории выделять социально-экономические и культурные факторы, обуславливающие те или иные передвижения, миграции.

Завершить доклад бы я хотел некоторым предложением. В начале следующего учебного года мы объявим о создании большого консорциума школ, которые могут сотрудничать с нами по отслеживанию траектории своих выпускников. Мы будем обеспечивать методическую поддержку, а они – собирать данные. И это, как нам представляется, поможет, если нам удастся собрать достаточное число школ из разных регионов, создать очень выпуклую картинку того, что реально происходит в системе образования.

1. Titma M., Trapido D. Prediction of success in post-communist societies: Evidence from Latvia and Estonia //Society and Economy. – 2002. – Т. 24. – №. 3. – С. 297-331.
2. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков / под ред. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой. – М., 1967.
3. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы – М.: ЦСПИМ, 2011. – 296 с.

4. Новопашина Л.А., Юстус Т.И., Григорьева Е.Г., Дорохова А.В., Хасан Б.И. Характеристики ответственности как фактор школы в биографии выпускников.
5. Цукерман Г.А. Переход из начальной школы в среднюю как психологическая проблема // Вопросы психологии, 2001, № 5, с. 19 – 34.
6. Цукерман Г.А., Суховерша Ю.И. Как младшие школьники становятся субъектами учебной деятельности? (три года лонгитюдного исследования) // Психол. наука и образов. 2000. № 1. С. 52–63.